

Г. Е. Марков

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАННИХ ЭТАПОВ КОЧЕВНИЧЕСТВА В АЗИИ

Трудно переоценить значение кочевничества в истории народов Азии, Северной Африки и Восточной Европы. Уже вскоре после появления кочевников на исторической арене они стали грозной силой, существенно влиявшей на экономические, политические, культурные и этнические процессы в сопредельных областях. Еще в большей мере сами кочевники испытывали воздействие культурных земледельческих народов, с которыми они находились в тесных разносторонних связях.

Истории возникновения и ранних этапов кочевничества посвящена значительная научная литература. Однако до сих пор большинство входящих в эту проблему вопросов далеки от разрешения. Это касается хронологических рубежей и этапов развития кочевничества; не установлено, развивался ли этот процесс моно- или полигенетически, моно- или полицентрически. Вызывают споры причины становления кочевничества. Наконец, проблема осложняется тем, что в литературе отсутствует до настоящего времени общепринятое понимание терминов «кочевничество», «кочевое», «полукочевое», «полуоседлое» скотоводство. Остается неясным, какие типы и виды скотоводческого хозяйства объединяются понятием «кочевничество», а какие находятся за его пределами¹.

Одни авторы полагают, что к числу кочевников следует относить только «чистых», очень подвижных скотоводов; другие — и полукочевников, полуоседлых. К кочевникам относят иногда также пеших и конных охотников. Определение понятия «кочевничество» ставится зачастую в зависимость от амплитуды кочевания или отсутствия земледелия, полуоседлых жилищ и т. п.²

Представляется, что при определении такого типа скотоводческого хозяйства, как «кочевническое», перечисленные выше признаки существенны, но второстепенны. Так, степень подвижности скотоводов — вели-

¹ См., например: Б. Б. Плотровский, Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье, «Сов. археология», т. XXIII, 1955; М. П. Грязнов, Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири, «Кр. сообщения Ин-та этнографии АН СССР» (далее КСИЭ), вып. 24, М., 1955; С. С. Черников, О термине «ранние кочевники», «Кр. сообщения Ин-та истории материальной культуры» (далее КСИИМК), вып. 80, М., 1960; K. Jettmar, Neue Beiträge zur Entwicklungsgeschichte der Viehzucht, «Wiener Völkerkundliche Mitteilungen», 1 J., Wien, 1953.

² См.: С. Е. Толыбеков, Кочевое общество казахов в XVII — начале XX вв., Алма-Ата, 1971, стр. 40 и др.

чина непостоянная и зависит от количества скота, сезона, природно-климатических условий в данном году, ландшафта и т. п. Одна и та же скотоводческая группа, сохраняя свой хозяйственный тип, может кочевать в разных местностях на различные расстояния.

Отнесение к числу кочевников только «чистых» скотоводов вообще необоснованно. Как известно, ни один хозяйственный тип, в том числе и кочевничество, никогда не существовал в чистом виде. Хозяйство всегда комплексно, но при этом одни виды деятельности занимают подчиненное положение, тогда как другие — составляют основные способы добывания средств к существованию. Они-то и определяют хозяйственный тип. Так, у кочевников на разных этапах их истории и в разных местах земледелие, ремесло, торговля, обмен, транспортировка караванов и т. п. играли то большую, то меньшую роль, но, и это следует подчеркнуть, основу их существования всегда составляло экстенсивное скотоводство. В связи с этим представляется, что термин «кочевничество» следует применять к обществам, у которых основной способ добывания жизненных благ осуществляется посредством экстенсивного пастбищного кочевого скотоводства.

В рамках кочевнического хозяйственного типа можно выделить хозяйственные подтипы или виды: кочевое и полукочевое. Различия между кочевым и полукочевым скотоводством условны. Кочевники более подвижны, чем полукочевники. Первые в меньшей мере, чем вторые, занимаются земледелием. Но в разных скотоводческих областях существуют разные представления о кочевании, и то, что в одних считается полукочевым хозяйством, в других рассматривалось бы как полностью кочевое³.

Иную роль играет скотоводство в полуседлом и тем более оседлом хозяйстве. В первом оно выступает в виде пастушества, отрасли или равной по значению или подчиненной земледелию и прочим видам занятий, во втором — лишь как вспомогательная ветвь экономики. Но и в том и в другом случае оно не является главным видом деятельности и главным источником средств к существованию и не может в силу этого определять хозяйственный тип общества⁴.

Изучение письменных источников, археологические исследования последних десятилетий позволяют говорить о том, что становление кочевничества было сложным и длительным процессом. Первым этапом ранней его пред истории можно считать эпоху возникновения производящего хозяйства, время так называемой «неолитической революции», когда в некоторых областях субтропиков возникло ирригационное земледелие и появились цивилизации, а в степях Евразии — комплексное производящее земледельческо-скотоводческое хозяйство. Здесь продолжалось одомашнивание новых пород уже известных видов и новых видов животных.

В степных и предгорных областях Азии в энеолитическое время значительное место в хозяйстве принадлежало еще охоте, рыбной ловле, собирательству, сочетавшимся с земледелием и скотоводством. Содер-

³ Ср.: С. И. Руденко, К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках, «Географическое общество СССР. Материалы по этнографии», вып. I, Л., 1961.

⁴ Предложенная классификация, выделяющая хозяйственные типы и подтипы, основывается преимущественно на хозяйственных признаках и не исчерпывает всего многообразия хозяйственно-культурных форм у кочевников. Известна классификация по способам кочевания: меридиональное, пустынное, вертикальное и др. (см. С. И. Руденко, Указ. раб.). Разрабатывается классификация по хозяйственно-культурным типам, связанная с этническими признаками. Однако для целей настоящей статьи можно ограничиться хозяйственными типами. Что касается древних скотоводческих племен, то имеющиеся фактические данные далеко не всегда позволяют достаточно уверенно относить их хозяйство к тому или иному типу и подтипу. Для некоторых племен кочевание могло быть временным явлением. В связи с этим, при характеристике хозяйства того времени в некоторых случаях, возможно, целесообразнее применять более общие термины, как, например, «подвижные скотоводы».

жали крупный рогатый скот, лошадей и других животных, но скотоводство занимало в то время в хозяйстве еще подчиненное положение⁵.

Значительно увеличилась роль скотоводства в горно-степных областях в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.— рубеж I тыс. до н. э.). Обширная полоса евразийских степей и предгорий была населена в рассматриваемое время многочисленными племенами, различными по этнической принадлежности, бытовым признакам, но сходными в общих чертах по хозяйственному типу. Так как в задачи настоящей работы не входит выяснение происхождения, этнической принадлежности, культуры этих племен, для их обозначения можно использовать собирательный термин культур «горно-степной бронзы»⁶. Археологически область распространения этих культур исследована неравномерно.

Судя по немногим данным, имеющимся о степных племенах Монголии, они занимались в рассматриваемое время земледелием и разведением животных⁷. Племена «горно-степной бронзы» обитали в Минусинской котловине⁸, на Алтае⁹ и в Туве¹⁰.

Большое значение для исследования истории кочевничества имеют археологические находки в Казахстане, поскольку это один из важных регионов, где сложилось и бывало кочевое скотоводство. Комплексное скотоводческо-земледельческое хозяйство господствовало в эпоху бронзы в восточной¹¹, центральной¹² и западной¹³ частях. У племен Казах-

⁵ С. А. Теплоухов, Древние погребения в Минусинском крае, «Материалы по этнографии», т. 3, вып. 2, Л., 1927; С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, М., 1951; А. Н. Липский, Новые данные по афанасьевской культуре, «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока», Новосибирск, 1961; А. П. Окладников, Новое в изучении древнейших культур Монголии, «Сов. этнография», 1962, № 1; «Народы Восточной Азии», М., 1964; Л. Р. Кызласов, Этапы древней истории Тувы, «Вестник МГУ. Историко-филологическая серия», 1958, № 4; С. И. Вайнштейн, Тува в эпоху первобытнообщинного строя, «История Тувы», т. I, М., 1964; А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев, Древняя культура Центрального Казахстана (далее «Древняя культура»), Алма-Ата, 1966; В. М. Массон, Средняя Азия и Древний Восток, М., 1964.

⁶ В археологической литературе применяется обычно термин племена «степной бронзы». Однако, думается, что правильнее его несколько расширить, так как земледельцы-животноводы Евразии широко расселились и в предгорных областях (напр., на юго-западе Туркмении, в Луристане и др.). См.: В. М. Массон, Культура Заман-Баба (в главе «Племена степной бронзы на севере страны») сб. «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы», М.—Л., 1966, стр. 208; И. Н. Хлопин, Проблема происхождения культуры степной бронзы. «Кр. сообщения Ин-та археологии АН СССР» (далее КСИА), вып. 122, М., 1970 и др.

⁷ С. В. Киселев, Монголия в древности, «Изв. АН СССР, историко-филологич. серия», т. 4, 1947, № 4; К. В. Вяткина, Археологические памятники МНР, «Сов. этнография», 1959, № 1; А. П. Окладников, Указ. раб.; Н. Сэр-Оджав, Археологические исследования в МНР, «Монгольский археологический сборник», М., 1962; Э. Новгородова, Ножи карасукского времени из Монголии, Там же; Ю. С. Гришин, Поселения эпохи бронзы и раннего железа на Ононе, «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока», Новосибирск, 1961.

⁸ С. А. Теплоухов, Указ. раб.; С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири; М. Н. Комарова, Памятники андроновской культуры близ улуса Орак, «Арх. сб. Гос. Эрмитажа», 1961, № 3; Н. Л. Членова, Памятники переходного карасук-тагарского времени в Минусинской котловине, «Сов. археология», 1963, № 3; А. И. Мартынов, Новый район карасукской культуры, «Сов. археология», 1964, № 2.

⁹ С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири; М. П. Грязнов, Памятники майемирского этапа ранних кочевников на Алтае, КСИИМК, вып. XVIII, 1947.

¹⁰ Л. Р. Кызласов, Указ. раб.; С. И. Вайнштейн, Указ. раб.

¹¹ А. Г. Максимова, Эпоха бронзы Восточного Казахстана, «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Каз. ССР» (далее «Тр. ИИАЭ АН Каз. ССР»), т. 7, Алма-Ата, 1959; С. С. Черников, Восточный Казахстан в эпоху бронзы, «Материалы и исследования по археологии СССР» (далее МИА), М.—Л., 1960, № 88.

¹² М. П. Грязнов, Этапы развития скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы, КСИЭ, вып. 26, 1957; А. М. Оразбаев, Памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана, «Тр. ИИАЭ АН Каз. ССР», т. 7, Алма-Ата, 1959; Л. Р. Кызласов, А. Х. Маргулан, Плиточные ограды могильника Бегазы, КСИИМК, вып. 32, М.—Л., 1950; М. К. Кадырбаев, Могильники Сангуыр 2, «Тр. ИИАЭ АН Каз. ССР», т. 12, Алма-Ата, 1961; «Древняя культура».

¹³ К. В. Сальников, Бронзовый век Южного Зауралья, МИА, 1951, № 21; его же, Очерки древней истории Южного Урала, М., 1967; В. С. Сорокин, Могильник

стана стада состояли из крупного и мелкого рогатого скота, лошадей, возможно, был одомашнен верблюд.

Племена «горно-степной бронзы» жили во многих районах Средней Азии: на Тянь-Шане, в Семиречье¹⁴; на Памире¹⁵, в области Ферганской долины¹⁶, в Кайрак-кумах¹⁷, по Зерафшану¹⁸, в области Самарканда¹⁹, в Среднеазиатском междуречье²⁰, в Восточном Прикаспии²¹. Степное население Средней Азии вело в рассматриваемое время довольно оседлую жизнь. Еще более оседлой она была в предгорьях.

Во II тыс. до н. э. племена «горно-степной бронзы» обитали также на Кавказе, где они разводили крупный и мелкий рогатый скот, коней. Очевидно, на Кавказе довольно рано появляется яйлажное хозяйство²².

Расселялись рассматриваемые племена и в Передней Азии, но археологически они изучены еще мало²³.

При всей этнической разнородности и различиях во внешнем облике рассматриваемых культур, для племен «горно-степной бронзы» было характерно относительно оседлое комплексное хозяйство, основу которого составляли земледелие и скотоводство. Земледелие было преимущественно мотыжным. Обрабатывались как естественно увлажненные, так и орошаемые участки. Жали серпами. Часты находки зернотерок. Скотоводство было скорее всего стойловым и отгонным. Около поселений сооружались загоны для домашних животных. По соотношению главных видов занятий в хозяйстве рассматриваемых племен существо-

Тасты Бутан I, КСИИМК, вып. 80, Л., 1960; М. Ф. Скосырев, О культурах андроновского времени в Западной Сибири, «Сов. археология», 1965, № 2.

¹⁴ А. Н. Бернштам, Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня, «Сов. археология», 1949, № 11; его же, Историко-археологические очерки Тянь-Шаня и Памиро-Алая, МИА, М., 1952, № 26.

¹⁵ А. П. Окладников, Предварительный отчет об исследовании памятников каменного и бронзового веков в Таджикистане летом 1954 г., «Труды АН Тадж. ССР», т. 37, 1956.

¹⁶ Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова, Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины, «Сов. археология», 1957, № 3.

¹⁷ Б. А. Литвинский, Даханийский могильник эпохи бронзы в Западной Фергане, КСИИМК, вып. 80, 1960; С. С. Сорокин, Древние скотоводы ферганских предгорий, «Геогр. о-во СССР. Материалы по этнографии», т. I, Л., 1961.

¹⁸ Е. Е. Кузьмина, Могильник Заман-Баба, «Сов. этнография», 1958, № 2; В. М. Массон, Культура Заман-Баба; Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. Аюкеров, Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зеравшана, Ташкент, 1966.

¹⁹ А. И. Тереножкин, Согд и Чач, КСИИМК, вып. 33, 1950; Д. Н. Лев, Погребение бронзовой эпохи близ г. Самарканда, КСИИМК, вып. 108, 1966.

²⁰ С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1949; М. А. Итина, Степные племена среднеазиатского междуречья во 2-й пол. I тыс. до н. э., «Сов. этнография», 1962, № 3; С. П. Толстов, Т. А. Жданко, М. А. Итина, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1958—60 гг., «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 6, М., 1963; С. П. Толстов, М. А. Итина, Сакн низовьев Сыр-Дарьи (по материалам Тагискена), «Сов. археология», 1966, № 2.

²¹ А. П. Окладников, Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении, «Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции» (далее Тр. ЮТАКЭ), вып. VII, М., 1956; А. М. Мандельштам, Погребения срубной культуры в Южной Туркмении, КСИИМК, вып. 108, 1966; Г. Е. Марков, Раскопки первобытной стоянки Оюкль, «Вестник МГУ», т. 3, 1961; его же, Грот Дам-Дам чешме в Восточном Прикаспии, «Сов. археология», 1966, № 2.

²² А. П. Круглова, Г. В. Подгаецкий, Долинское поселение у г. Нальчика, МИА, 1941, № 3; Е. И. Крупнов, Древняя история Северного Кавказа, М., 1960; В. И. Маркович, Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы, МИА, 1960, № 109; Б. Б. Пиотровский, Указ. раб.; его же, Поселения медного века в Армении, «Сов. археология», вып. XI, 1949; Б. А. Куфтин, Материалы к археологии Колхиды, т. II, Тбилиси, 1950; Т. А. Бунятов, Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы, Баку, 1957; К. Х. Кушнарера, Археологические работы в 1954 г. в окрестностях с. Ходжалы, МИА, 1959, № 67; А. А. Иессен, Поселение Уч-Тепе, МИА, 1965, № 125; И. Г. Нариманов, Раскоп № 3 на поселении Уч-Тепе, Там же; К. Х. Кушнарера, А. Л. Якобсон, Основные проблемы и итоги работ азербайджанской экспедиции, КСИИМК, вып. 108, 1966.

²³ В. М. Массон, Средняя Азия и Древний Восток; Н. Я. Мерперт, О луристанских элементах в кладе из Сосновой Мазы, КСИИМК, вып. 108, 1966.

вали значительные различия. В одних местах большее значение имело земледелие, в других — скотоводство. Локальные различия имелись и в составе стад. Получили развитие транспортные средства: верховая езда, вьюк, колесные повозки. Возможно, что в некоторых местах практиковалась заготовка кормов для скота, о чем могут свидетельствовать находки бронзовых секачей. Высокого уровня достигли металлургия и обработка металла: изготовление оружия, орудий труда и т. п.; керамическое производство, обработка дерева, кости, шерсти. Большим совершенством отличались произведения искусства. Поселения состояли из надземных построек или полуземлянок, а также землянок. В предгорьях жилищами нередко служили гроты.

На рубеже II и I тыс. до н. э., в конце эпохи бронзы и в начале железного века хозяйство многих племен горно-степной полосы становится более подвижным и приобретает скотоводческий облик.

Культуры древнейших подвижных скотоводов Азии исследованы весьма неравномерно. Немногое известно об этой эпохе в Центральной и Восточной Азии, кроме отдельных археологических находок и полулегендарных сообщений восточных хроник. Предполагается, что в рассматриваемое время происходило становление кочевничества в Монголии²⁴.

Значительно больше данных по Южной Сибири. В скифское время в степных областях Тувы обитали подвижные скотоводы, занимавшиеся также земледелием, охотой, собирательством. В это время лошадь осваивается как верховое животное²⁵. Подвижным было и население Алтая²⁶. Алтайские скотоводы разводили лошадей, которые, вероятно, были главными хозяйственными животными. Их использовали под верх, они давали мясо, шкуры, молоко. Разводили также овец, крупный рогатый скот, коз²⁷. Но не все племена Южной Сибири обратились к подвижному экстенсивному скотоводству. Часть их осталась полуседлой, например, население Минусинской котловины. Значительное распространение там имело орошаемое земледелие, металлургия, керамическое производство²⁸.

О скотоводах в Казахстане есть упоминания у древних авторов. Но свидетельства их кратки и не могут быть достоверно приурочены к определенному месту и народу²⁹. Археологические данные показывают, что хозяйство племен Казахстана на рубеже эпохи бронзы и железа становилось все более подвижным³⁰. Скотоводческие памятники обнаружены в Восточном Казахстане. Найдены удила с кольцом, кости овцы, глиняные фигурки двугорбого верблюда. Для археологических культур Центрального Казахстана особенно характерны признаки скотоводческого хозяйства: конский убор, в который входила узда ранней формы,

²⁴ Н. Сэр-Оджав, Указ. раб.; Л. Л. Викторова, К вопросу о расселении монгольских племен на Дальнем Востоке в IV в. до н. э., «Ученые записки ЛГУ», 256, сер. вост., 7, 1958; по прилегающим районам Восточной Сибири см.: М. А. Дэвлет, Керамика позднетагарских курганов Красноярского района, «Сов. археология», 1964, № 2.

²⁵ С. И. Вайнштейн, Памятники скифского времени в Западной Туве, «Уч. зап. Тувинского НИИ языка, литературы и истории», вып. 2, Кызыл, 1954; его же, Памятники Кызылганской культуры, «Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции», т. 2, 1966; А. Д. Грач, Археологические раскопки в Сут-Холе и Бий-Тайге, Там же.

²⁶ С. И. Руденко, Культура населения горного Алтая в скифское время, Л., 1953, стр. 70—73; С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири; М. П. Грязнов, Памятники маймирского этапа ранних кочевников на Алтае.

²⁷ С. И. Руденко, Культура населения горного Алтая, стр. 70, 71, 73.

²⁸ С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, стр. 487; Л. Р. Кызласов, Таштыкская эпоха, М., 1960; стр. 179.

²⁹ Аристей Проконесский, Аримаспея, фрагм. 2—4, «Вестник древней истории» (далее ВДИ), 1947, № 1.

³⁰ С. С. Черников, Восточный Казахстан в эпоху бронзы, стр. 115; А. Г. Максимова, Эпоха бронзы, стр. 117 и сл.; «Древняя культура», стр. 261 и сл.; К. В. Сальников, Бронзовый век Южного Зауралья, стр. 141.

кости домашних животных и др. Вместе с тем здесь значительно были развиты металлургия, керамическое производство. В погребениях найдены кости лошадей двух пород: низкорослых, толстоногих, с массивной головой и широким туловищем, и сравнительно рослых, использовавшихся под седло. Овцы были курдючными³¹.

В Южном Приуралье скотоводческое направление хозяйства и подвижность последнего заметно усилились на последних этапах бронзового века. Особенно это проявилось в южных районах, где возросла роль овцеводства и коневодства. В литературе отмечается, что на алакульском этапе было завершено освоение коня как верхового животного. В начале железного века в этих местностях уже господствовало подвижное скотоводство³².

В конце 1-й половины I тыс. до н. э. произошло становление полукошевого скотоводства, сочетавшегося с земледелием, в башкирских степях³³.

Подвижное скотоводство получило распространение и в некоторых областях Западной Сибири³⁴.

В значительной мере скотоводческим был также быт населения восточных горных областей Средней Азии³⁵. В захоронениях там найдены кости коней, конские уборы, оружие, но также и керамика, зернотерки, серпы. Под одним курганом находилась большая деревянная постройка из обработанных бревен³⁶. Примерно такое же хозяйство вело население Тянь-Шаня, Памиро-Алая, Таласской долины³⁷. Отгонное скотоводство и земледелие на естественно орошаемых участках было распространено в Фергане в эпоху раннего железа³⁸. Относительно племен среднеазиатского междуречья существует мнение, что, несмотря на значительное развитие у них скотоводства, их быт в целом был оседлым³⁹. Более подвижным было население Восточного Прикаспия. Гроты лиша-

³¹ К. А. Акишев, Саки Семиречья, «Тр. ИИАЭ АН Каз. ССР», т. 7, 1959; К. А. Акишев, Г. А. Кушаев, Древняя культура саков и усуней долины р. Или, Алма-Ата, 1963; А. Г. Максимова, Курганы сакского времени могильника Джувантобе, КСИИМК, вып. 80, 1960; С. С. Черников, Золотой курган Чиликтинской долины, КСИА, вып. 98, 1964; А. В. Афанасьев, Зоогеография Казахстана, Алма-Ата, 1960; М. П. Грязнов, Казахстан в эпоху ранних кочевников, КСИИМК, вып. 61, 1956; М. К. Кадырбаев, Памятники ранних кочевников Центральной Казахстана, «Тр. ИИАЭ АН Каз. ССР», т. 7, 1959; «Древняя культура», стр. 112, 415.

³² К. В. Сальников, Очерки древней истории Южного Урала, стр. 328 и сл.; К. Ф. Смирнов, Производство и характер хозяйства ранних сарматов, «Сов. археология», 1964, № 3, стр. 50, таблица; М. Г. Мошкова, Сарматские памятники восточных районов Оренбургской обл. КСИА, т. 83, 1961; ее же, Ново-Кермакский курганный могильник близ г. Орска, МИА, 1962, № 115; К. Ф. Смирнов, В. Г. Петренко, Савроматы Поволжья и Южного Зауралья, «Свод археологических исследований», Д—1—9, М., 1963, табл. 21, 6, 8.

³³ А. П. Смирнов, Железный век Башкирии, МИА, 1957, № 58.

³⁴ М. П. Завитухина, Могильник времени ранних кочевников близ г. Бийска, «Арх. сб. Гос. Эрмитажа», т. 3, Л., 1961, стр. 108.

³⁵ К. А. Акишев, Г. А. Кушаев, Древняя культура саков и усуней долины р. Или, стр. 3, 4, 25; Б. Н. Литвинский, Археологические открытия на Восточном Памире и проблема связей между Средней Азией, Китаем и Индией в древности, «Доклады делегации СССР на XXV международном конгрессе востоковедов», М., 1960; Ю. А. Заднепровский, Археологические памятники Ошской области, Фрунзе, 1960.

³⁶ К. А. Акишев, Г. А. Кушаев, Указ. раб., стр. 27, 31, 88, 101.

³⁷ А. Н. Бернштам, Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, стр. 189; А. К. Абетеков, Ю. Д. Баруздин, Сако-усуньские памятники Таласской долины, «Археологические памятники Таласской долины», Фрунзе, 1963, стр. 17.

³⁸ Н. Г. Горбунова, К истории Ферганы в эпоху раннего железа, «Сов. археология», 1962, № 4; ее же, Культура Ферганы в эпоху раннего железа, «Арх. сб. Гос. Эрмитажа», т. 5, Л., 1962, стр. 106, 107; А. Н. Бернштам, Наскальные изображения Сайман-Таш, «Сов. этнография», 1952, № 2, стр. 51, 53.

³⁹ С. П. Толстов, Варварские племена периферии античного Хорезма, «Материалы 2-го совещания археологов и этнографов Средней Азии», М., 1959; М. А. Итина, Степные племена среднеазиатского междуречья во 2-й половине — начале I тыс. до н. э., «Сов. этнография», 1962, № 3; С. П. Толстов, М. А. Итина, Саки ни-

ются в это время своих обитателей, переходивших к кочеванию в подгорной полосе⁴⁰.

Скотоводство получило также дальнейшее распространение на Кавказе⁴¹.

Кочевым или полукочевым рисуется античными авторами быт обитателей Аравийского полуострова⁴². Недостаток фактических данных затрудняет характеристику скотоводческого населения прочих областей Передней Азии⁴³.

Развитие подвижного скотоводства и кочевничества продолжалось и в последующую хунно-сарматскую эпоху. В первых веках нашей эры стало складываться развитое кочевничество.

Большие сложности возникают при исследовании путей развития кочевничества, причин и условий его становления.

Распространение воспроизводящего земледельческо-скотоводческого хозяйства в степях, пустынях и предгорьях не привело к возникновению кочевничества. И в энеолите, и в эпоху бронзы в горно-степных областях сохранялись устойчивые традиции полуседлого и оседлого комплексного хозяйства. Только к концу II тыс. до н. э. в рамках этого комплексного хозяйства стало усиливаться скотоводческое направление, приобретавшее постепенно более подвижные формы. Как установлено советскими исследователями, развитие подвижного скотоводческого хозяйства прошло ряд этапов: оседлый скотоводческо-земледельческий, полуседлый (его называют также полукочевым), яйлажный, отгонный, кочевой⁴⁴. Следует заметить, что само по себе появление отгонного скотоводства еще не предопределяло обязательного возникновения кочевничества. В определенных природных условиях эта хозяйственная форма продолжала существовать очень долго, вплоть до нашего времени, и судя по историческим и этнографическим данным не обнаруживала тенденции превращаться в кочевое скотоводство.

Возникновение кочевничества приурочивается обычно к концу II и началу I тыс. до н. э., к эпохе раннего железа, когда во многих областях Средней Азии и Казахстана, возможно также Передней и Центральной Азии, в горно-степной зоне начинают исчезать оседлые поселения, все большее распространение получают коневодство и разведение мелкого рогатого скота, а погребальный обряд начинает отражать подвижные условия жизни. Но вместе с тем в хозяйстве многих горно-степных племен того времени наблюдаются черты, указывающие на неполный переход к кочевничеству, на сохранение традиционных полуседлых элементов (развитое керамическое производство, металлургия, громоздкая домашняя утварь и т. п.). Время существования подвижного скотоводства, до его превращения в развитое кочевничество, получило в литературе название эпохи «раннего кочевничества»⁴⁵. По мере даль-

зовьев Сыр-Дарьи; С. П. Толстов, Среднеазиатские скифы в свете новейших археологических исследований, ВДИ, 1963, № 2.

⁴⁰ Г. Е. Марков, Раскопки первобытной стоянки Оюклы; его же, Грот Дам-Дам чешме, стр. 123.

⁴¹ Е. И. Крупнов, Археологические работы в Кабарде и Грозненской обл., КСИИМК, вып. 33, 1950; его же, Древняя история Северного Кавказа; В. И. Маркович, Р. И. Мунчаев, Археология Чечено-Ингушетии в свете новейших исследований, КСИА, вып. 100, 1965; А. П. Смирнов, Скифы, М., 1965, стр. 16.

⁴² Геродот, История, III, 413; Страбон, География, XVI, 1, 2, 6, 3, 1.

⁴³ Н. А. Potratz, Die Skythen und Vorderasien, «Orientalis», Roma, 1959; R. D. Vagnett, The treasure of Ziwyé, «Iraq», XVIII, 2, 1956; A. Garrod, Le trésor de Ziwyé (Kurdistan), 1950; Н. Л. Членова, Скифский олень, МИА, 1962, № 115, стр. 167; А. П. Смирнов, Указ. раб., стр. 16 и сл.

⁴⁴ М. П. Грязнов, Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири; его же, Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы, КСИЭ, вып. 26, 1957; К. В. Сальников, Очерки древней истории Южного Урала.

⁴⁵ [М. П. Грязнов], «История СССР» (макет), гл. 6, § 3, изд. ИИМК АН СССР, 1939; С. С. Черников, О термине «ранние кочевники», КСИИМК, вып. 80, 1960.

нейшей эволюции кочевничества, когда оно становилось основным видом занятий значительной части населения горно-степных областей, постепенно отмирали и многие традиции полуседлого хозяйства и быта. Но этот процесс растянулся на длительное время, вплоть до первых веков нашей эры⁴⁶.

Весьма сложен вопрос об условиях и причинах складывания кочевничества. В советской науке существуют разные мнения по этим проблемам. Наиболее распространен взгляд, согласно которому переход к новому виду хозяйственной деятельности явился следствием постепенного и длительного накопления опыта и количественного роста стад, разложения пастушества, яйлажного скотоводства и вытеснения его более прогрессивным кочевым скотоводством⁴⁷. Но существуют взгляды, согласно которым предположение о возникновении кочевничества, как следствия длительного роста поголовья стад и постепенного увеличения подвижности, противоречит археологическим наблюдениям. Предполагается, что переход к кочевничеству произошел довольно быстро и распространение новой системы хозяйства не требовало веков⁴⁸. Высказывалось предположение, что в Южном Приуралье в эпоху бронзы, в условиях ксеротермического периода и полупустынного ландшафта, значительное развитие получило скотоводство. Это привело к численному росту населения. Но пойменное земледелие и пастушеское скотоводство не обеспечивали его пропитания, что заставило перейти к кочевому скотоводству. Развитию кочевого скотоводства способствовали природные условия новейшего влажного климатического периода, сделавшие возможным освоение открытой степи под выпас скота. Нельзя не отметить интересной мысли о том, что увеличение поголовья стад и последовавшее усиление подвижности хозяйства были следствием усилившегося обмена⁴⁹.

Существует точка зрения, согласно которой возникновение кочевничества было следствием перенаселенности⁵⁰.

Рассмотрим эти гипотезы. Прежде всего надо отметить, что нет археологических свидетельств о постепенном и неуклонном развитии скотоводства и подвижности горно-степных племен в течение всей эпохи бронзы. Спорно предположение о необходимости длительного времени для перехода от комплексного хозяйства к кочевому скотоводству в связи с медленным накоплением необходимого для кочевания поголовья. Известно минимальное количество скота, потребное для ведения семей кочевого скотоводческого хозяйства в разных природных зонах. Оно сравнительно невелико. Известно также, что у многих племен, обитавших в эпоху бронзы в горно-степной полосе, скотоводство играло существенную роль, что могло иметь место только при относительно большом поголовье. К тому же трудно предположить, чтобы в течение столетий и тысячелетий происходило постепенное увеличение поголовья стад. Практика скотоводства показывает, что периодически оно то ра-

⁴⁶ См., напр.: С. И. Вайнштейн, Историческая этнография тувинов, М., 1972.

⁴⁷ См., напр., С. Н. Боголюбский, Возникновение животноводства, как отрасли первобытного хозяйства, «Бюл. Моск. о-ва испытателей природы, отд. биологии», т. 61, вып. 3, 1956, стр. 106; его же, Происхождение и преобразование домашних животных, М., 1956; С. С. Черников, Роль андроновской культуры в истории Средней Азии и Казахстана, КСИЭ, вып. 26, 1957; его же, О термине «ранние кочевники»; К. Ф. Смирнов, Производство и характер хозяйства ранних сарматов, стр. 45—47; К. В. Сальников, Бронзовый век Южного Зауралья, стр. 147; А. П. Смирнов, Скифы, стр. 13 и др.

⁴⁸ М. П. Грязнов, Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири, стр. 22, 24.

⁴⁹ К. В. Сальников, Очерки древней истории Южного Урала, стр. 348 и сл.; С. И. Руденко, Указ. раб., стр. 10, 11.

⁵⁰ И. Н. Хлопин, Возникновение скотоводства и общественное разделение труда в первобытном обществе, «Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма», М., 1970.

стет, то сокращается от бескормицы в климатически неблагоприятные годы, от болезней и т. п. Увеличение или уменьшение поголовья скота происходит циклически, и каждый цикл длится от нескольких лет до нескольких десятилетий⁵¹. Переключение всего внимания на скотоводство должно было привести к увеличению поголовья до количества, достаточного для кочевания. Но для этого потребовалось бы всего несколько десятилетий или даже лет, но никак не столетий, а тем более тысячелетий. То же можно сказать и относительно опыта, необходимого для кочевания. Обитатели предгорий и степей в эпоху бронзы имели достаточный навык обращения с животными (без чего они не могли бы их содержать) и знание окружающей среды. Из сказанного вытекает, что предпосылки для возникновения кочевого скотоводства существовали задолго до того времени, как появилось кочевничество.

Существенно отметить, что культуры горно-степной полосы, основывавшиеся на комплексном хозяйстве, существовали весьма длительное время, восходя еще к энеолиту. Нет никаких оснований полагать, что в период их расцвета комплексное хозяйство давало недостаточно средств к существованию. Оно имело довольно развитую техническую базу, во многом, очевидно, более совершенную, чем у многих скотоводческих племен в пору развитого кочевничества. В связи с этим можно думать, что только очень важные причины могли заставить многочисленные племена забросить привычные поселения, могилы предков, привычный уклад жизни и пуститься по неизведанным путям навстречу превратностям кочевой жизни, не сулившей в сравнении с прежней реальной преимуществ. Обратившись к кочевничеству, бывшие земледельцы-скотоводы лишились устойчивых источников необходимой им растительной пищи, добывание которой было впоследствии в известной степени затруднено.

Предположение о путях складывания кочевничества в Южном Приуралье односторонне и во многих отношениях спорно. Это касается как оценки климатических условий, так и многих других сторон описываемого процесса. Неясно, чем был вызван рост численности андроновских племен в малоблагоприятных природных условиях; почему появилась возможность осваивать открытые степные пространства только после наступления влажного климатического периода. Ведь известно, что кочевое скотоводство распространено большей частью в пустынях, полупустынях и пустынных степях и предгорьях в условиях жаркого климата.

Представляется, что рассмотренные выше гипотезы о причинах возникновения кочевничества не дают достаточно убедительного решения этой проблемы. Авторы этих гипотез склонны искать основу развития данного явления главным образом во внутренней эволюции хозяйственных форм, в сознательном переходе от одних видов хозяйственной деятельности к другим. При этом не учитываются другие важные обстоятельства.

Можно полагать, что в действительности процесс шел не прямым эволюционным путем, а был значительно сложнее и сочетал в себе действие тесно между собой связанных многообразных внутренних и внешних (хозяйственных и социальных) факторов⁵².

Одним из существенных факторов являются условия природной среды и их изменения, особенно для обществ, имеющих низкий уровень развития производительных сил.

⁵¹ Цикличность развития экстенсивного скотоводства является точно установленным в зоотехнической и исторической литературе фактом. См., напр., данные С. Е. Толыбекова о 6—10-летнем цикле в казахском кочевом скотоводстве (С. Е. Толыбеков, Кочевое общество казахов, стр. 580).

⁵² Г. Е. Марков, Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии, «Сов. этнография», 1970, № 6.

Как показывают специальные исследования, изменение природной среды, ландшафтов, развитие растительного покрова происходят под влиянием сложного комплекса причин. К их числу относят климатогенные, тектогенные, биогенные и антропогенные факторы, геоморфологические явления⁵³.

Климатогенный фактор нередко сводят к проблеме ксеротермических периодов⁵⁴. Между тем вопрос о ксеротермических эпохах составляет только часть общей проблемы климата голоцена, по поводу которой ведется дискуссия еще с 70-х гг. прошлого века в связи со схемой Блита — Сернандера. Многие исследователи полагали в свое время, что учение о ксеротермических периодах можно распространять на всю Евразию⁵⁵.

По мере накопления фактических данных исследователи стали отказываться от схематизации природно-климатических процессов и, в частности, развернулась критика учения о ксеротермических периодах. Это не означало, однако, отрицания возможности зональных колебаний климата в голоцене, а тем более изменений в растительных ассоциациях под воздействием разных причин⁵⁶. Многие ученые полагают, что в голоцене, в том числе и в суббореальную эпоху, имели место зональные климатические колебания, а возможно, и эпохи термических оптимумов, но сказывались они в разных местах неодинаково⁵⁷. К этому следует добавить, что климат в голоцене СССР изучен главным образом в северо-восточной и северной Европе, северной Азии; зоны же, где происходило становление кочевничества, исследованы мало⁵⁸.

Специалисты отмечают, что изменение климатических условий происходит в довольно узких температурных пределах⁵⁹. При этом реак-

⁵³ М. Миланкович, Математическая климатология и астрономическая теория колебаний климата, М.—Л., 1939; В. Н. Васильев, Закономерности процесса смен растительности, «Материалы по истории флоры и растительности СССР», вып. II, М.—Л., 1946, стр. 369; Ф. Н. Мильков, Основные проблемы физической географии СССР, М., 1967, стр. 140; его же, О возрасте лесостепного ландшафта и его природе, «Вопросы географии», сб. 4, 1947, стр. 97.

⁵⁴ Б. Ф. Земляков, О послеледниковых колебаниях климата и их значении в археологии, «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 2; В. В. Карачаровский, Позднечетвертичная фауна бассейна р. Юрюзани, МИА, 1951, № 21. В. С. Сорокин, Жилища поселения Тасты-Бутак, КСИА, вып. 91, 1962; К. В. Сальников, Очерки истории Южного Урала.

⁵⁵ См., напр.: И. М. Крашенинников, Цикл развития растительности долин степных зон Евразии, «Изв. Географического института», т. 3, Пгр., 1922; его же, Основные пути развития растительности Южного Урала в связи с палеогеографией Северной Евразии в плейстоцене и голоцене, «Сов. ботаника», 1939, № 6—7; Б. Ф. Земляков, О послеледниковых колебаниях климата; Л. С. Берг, Климат и жизнь, М., 1947; М. И. Нейштадт, Роль торфяниковых отложений в восстановлении истории ландшафтов СССР, «Проблемы физической географии СССР», М., 1939; А. Н. Криштофович, Эволюция растительного покрова, «Материалы по истории флоры и растительности СССР», вып. 2, М.—Л., 1946. Эту точку зрения разделяли и многие другие ученые (В. С. Доктуровский, Д. А. Герасимов, А. М. Жирмунский, К. К. Марков, А. И. Москвитин и др.).

⁵⁶ П. П. Герасимов, Основные черты развития современной поверхности Турана, «Тр. Ин-та географии АН СССР», т. 25, М., 1937; Е. В. Вульф, Историческая география растений, М.—Л., 1944; Д. К. Зеров, Учение о ксеротермических периодах в ботанической географии, «Материалы по истории флоры и растительности СССР», вып. 2, М.—Л., 1946; Ф. Н. Мильков, О возрасте лесостепного ландшафта; его же, Воздействие рельефа на растительность и животный мир, М., 1953; его же, Природные зоны СССР, М., 1964; его же, Основные проблемы физической географии.

⁵⁷ А. Н. Криштофович, Эволюция растительного покрова, стр. 24; Ф. Н. Мильков, О возрасте лесостепного ландшафта, стр. 94; П. П. Предтеченский, Очерк позднеледниковой и ледниковой истории климата, «Тр. лаборатории озероведения», т. 5, 1957 (см. климатическую схему); М. И. Нейштадт, История лесов и палеогеография СССР в голоцене, М., 1957, стр. 373, 374; М. И. Нейштадт, В. К. Гуделис, Проблемы голоцена, «Вопросы голоцена», Вильнюс, 1961, стр. 17, 18; М. Шварцбах, Климаты прошлого, М., 1955; Х. Шейли, Изменения климата, М., 1958.

⁵⁸ См., напр., Е. В. Вульф, Историческая география растений, стр. 236; Ф. Н. Мильков, О возрасте лесостепного ландшафта.

⁵⁹ В. И. Васильев, Закономерности процесса смен растительности, стр. 369.

ция разных ландшафтных зон и их рубежей на одни и те же климатические изменения неодинакова. Высказано предположение, что наименее устойчивы границы между степями и полупустынями⁶⁰. Но кочевничество как раз и возникло в специфических условиях пустынных степей, полупустынь, пустынь, вне зоны лесов и сельскохозяйственных оазисов, не пригодных для ведения экстенсивного скотоводства.

Подвижность и изменение ландшафтных зон и их растительного покрова зависят не только от воздействия одних климатических факторов. Можно считать установленным фактор внутривековых колебаний уровня грунтовых вод и водоемов в зависимости от влажности⁶¹. Такие колебания имеют место и в рамках более длительных периодов, но изучены они еще мало⁶². Между тем колебания уровня грунтовых вод и водоемов могли иметь важные последствия для развития примитивного мотыжного земледелия.

Смещение ландшафтных зон и локальные изменения природной среды происходили также вследствие геоморфологических явлений, в связи с солонцеванием и ополонцеванием почвы и других причин, что приводило к обеднению степных ассоциаций и развитию бореально-ксерофитной растительности⁶³.

Если допустить, что под воздействием тех или иных факторов происходило некоторое смещение географических зон в отдельных местностях, что не противоречит данным естественных наук, то для хозяйства обитавшего там населения это явление могло иметь важные последствия. Как установлено, в условиях степей можно получить от 7 до 15 ц сена с гектара, тогда как в полупустынях — только 5 ц⁶⁴. Естественно, что сокращение кормовой базы должно было вызвать усиление подвижности скотоводов.

Чрезвычайно существен антропогенный фактор. Развитие скотоводства в эпоху бронзы, выпас значительного поголовья скота на ограниченных пространствах отгонных пастбищ приводил к деградации растительности и почв. К тому же приводила вырубка кустарника на дрова. При этом деградировали не только пастбища, но и обрабатываемые земли⁶⁵. Запустевание земельных площадей могло быть также связано с поливом при примитивном земледелии, вызывавшем вторичное засоление почвы⁶⁶.

Увеличение подвижности скотоводства и становление «раннего кочевничества» вызывались также социальными причинами. Но социально-экономическая история этой эпохи почти неизвестна из-за недостатка фактических данных. В ходе развития отгонного и яйлажного скотоводческого хозяйства, еще в пору расцвета культур «горно-степной бронзы», стали появляться новые виды социальных отношений и новые общественные структуры, что вело к ослаблению родовых связей и постепенному разложению первобытнообщинного строя. Эти процессы требовали длительного времени, и только к исходу II тыс. до н. э. стали заметны их первые практические последствия. Стали более частыми столкновения между отдельными группами, что в свою очередь приводило к увеличению подвижности. Более регулярными становились связи с оседлыми областями, развивался обмен, разделение труда, что стимулировало дальнейшее развитие скотоводства.

⁶⁰ Ф. Н. Мильков, Воздействие рельефа на растительность, стр. 114.

⁶¹ А. В. Шнитников, Внутривековые колебания уровня степных озер Западной Сибири и Северного Казахстана и их зависимость от климата, «Тр. лаборатории озераведения», I, М.—Л., 1950.

⁶² Ф. Н. Мильков, Основные проблемы физической географии, стр. 140.

⁶³ И. М. Крашенинников, Географические работы, М., 1951.

⁶⁴ Ф. Н. Мильков, Природные зоны СССР, стр. 167, 169.

⁶⁵ Ср.: П. А. Костычев, Алешковские пески, «Ежегодн. СПб. Лесного института», год 2-й, 1888, стр. 208.

⁶⁶ Ф. Н. Мильков, Природные зоны СССР, стр. 234.

Рассмотренный материал позволяет высказать мнение, что возникновение подвижного скотоводства, а затем кочевничества было следствием не только эволюции хозяйственных форм и осознанного стремления к более совершенным видам хозяйства, но и вынужденным, обусловленным многими причинами, процессом. Ведь известно, что старая система хозяйства удерживается обыкновенно до тех пор, пока есть хоть малейшая возможность ее удержать. Невозможно также ожидать целенаправленных действий по усовершенствованию форм хозяйства от целых племенных коллективов, где дело решается не по усмотрению наиболее дальновидных хозяев, а по традиции и общему согласию⁶⁷.

Там, где по многим причинам ухудшились условия для ведения примитивного земледелия и отгонного скотоводства, сложились «критические зоны», где возникла необходимость изыскания новых средств к существованию. В аридной полосе выход мог быть найден только в развитии подвижного экстенсивного скотоводства. Но в тех местах, где неблагоприятные факторы проявлялись в меньшей мере, где существовали устойчивые источники водоснабжения, хорошие земли, пригодные и для обработки и под пастбища (напр., в Минусинской котловине), комплексное хозяйство сохранялось еще долгое время, не проявляя тенденции к превращению в кочевничество.

Представляется, что становление кочевничества происходило первоначально на основе комплексного хозяйства племен горно-степных областей, под действием общих закономерностей, т. е. моногенетически. Но разворачиваться этот процесс мог конвергентно в различных «критических зонах», т. е. полицентрически⁶⁸.

Недостаток фактических данных не позволяет точно установить зоны первоначального становления кочевничества. Лишь предположительно можно наметить два ареала, где разворачивался этот процесс: на Аравийском полуострове и в аридной полосе от Восточного Прикаспия на западе до Большого Хингана на Востоке. Северный предел этого ареала ограничивался лесостепью, южный — окрестностями Центрально-Иранского нагорья и Сулеймановыми горами. Можно полагать, что «критические зоны» этого ареала находились здесь в пустынных областях Южного Приуралья, Центрального Казахстана, Восточного Прикаспия, части степей Центральной Азии. Очевидно, это были области, где в эпоху бронзы существовало развитое отгонное скотоводство. Во всяком случае, в этих местах обнаружены пока самые ранние свидетельства увеличения подвижности населения в конце эпохи бронзы.

Особо стоит вопрос о монголах. Еще в X—XII вв. н. э. некоторая их часть обитала в лесах, и только незадолго до сложения Монгольской империи они перешли к кочевому скотоводству⁶⁹. К тому же, по мнению А. М. Щербака, почти вся лексика монголов, связанная с домашними животными и скотоводческим хозяйством, по происхождению тюркская⁷⁰. Это может свидетельствовать о более позднем распространении среди них кочевничества, в сравнении с другими скотоводческими народами.

С возникновением в определенных зонах подвижного скотоводства в виде «раннего кочевничества» на его дальнейшее развитие и распространение стали с еще большей силой воздействовать социальные и политические факторы. Становление кочевничества сопровождалось воз-

⁶⁷ Ср. П. А. Костычев, Алешковские пески, стр. 208, 209.

⁶⁸ Сказанное отнюдь не исключает возможности перехода к кочевничеству степных охотников, заимствовавших опыт доместикиции и одомашненных животных (см. С. И. Вайнштейн, Проблема формирования хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов умеренного пояса Евразии, «Тезисы докладов Всесоюзной научной сессии, посвященной итогам полевых археологических и этнографических исследований», Тбилиси, 1971).

⁶⁹ Б. Я. Владимирцов, Общественный строй монголов, Л., 1934, стр. 34.

⁷⁰ А. М. Щербак, О характере лексических взаимосвязей монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, «Вопросы языкознания», 1966, № 3.

никновением сплоченной военно-кочевой социальной организации. Война становилась промыслом. В поисках новых пастбищ и добычи скотоводы втягивали в сферу своего влияния и вовлекали в орбиту кочевничества все новые группы населения. Развертывался как бы «цепной процесс» распространения кочевничества, вовлечения в него разрозненных и политически разбеденных полуседлых и оседлых племен. Таким образом кочевничество могло распространяться и на области, где первоначально не было условий для его возникновения. Но там, где кочевники встречали отпор или где условия для ведения экстенсивного скотоводства оказывались неблагоприятными, кочевничество не получало распространения.

Развитие кочевого скотоводства привело к большим политическим последствиям: к частым военным столкновениям с оседло-земледельческими областями, что в свою очередь приводило к усилению подвижности степного населения. Этому же способствовали и походы правителей различных государств на степь. К развитию кочевничества приводили также усилившиеся процессы социальной дифференциации, обмена и пр.

Очевидно, не все племена, приведенные к подвижности «цепным процессом» и связанными с ним политическими событиями, становились или оставались кочевыми. Часть их, перейдя к подвижности, сохраняла многие традиции древнего комплексного хозяйства. Многие через какое-то время вновь оседали. Эта проблема, связанная с эпохой «ранних кочевников», а отчасти и временем развитого кочевничества, весьма интересна и нуждается в дальнейшем исследовании на материале степных и горных племен Евразии.

Процесс становления и распространения кочевничества протекал сначала относительно быстро. Затем, по мере разделения большей части горно-степных племен на кочевников и земледельцев, он замедлился, хотя позднее к кочевничеству обратились некоторые группы населения лесной полосы Центральной Азии (в XII—XIII вв.).

Но уже в средние века начался обратный процесс частичного освоения земледельцами областей, занятых кочевниками, и оседания кочевников.

SOME PROBLEMS IN THE ORIGIN AND EARLY STAGES OF NOMADISM IN ASIA

Nomadism has played an enormous role in the history of the peoples of Asia, Northern Africa and Eastern Europe. Many problems in the social-economic history of nomadism, its origin and course of evolution still remain unsolved. Nomadism arose in several Asiatic centres among tribes of the «hill-steppe Bronze» culture engaged in an integrated cultivation-and-livestock economy. It came into being as a result of the social-economic development of steppe tribes in the late Bronze Age, of population increase and changes in the natural environment caused by man-made, geomorphological and climatic phenomena. By the beginning of A. D. the original «early nomadism» enters upon the highest stage of its development. In the late Mediaeval period nomadism began to decline; in our time it only survives in certain desert regions of Asia and Africa.